

Есть у Валерия Фатеева два удивительных рассказа — «Лей» и «Все они были великие труженики».

Эти рассказы обнимают и обрамляют всю фатеевскую прозу, ведь «Лей» — первый из рассказов писателя, опубликованный в альманахе «На Севере Дальнем» сорок лет назад. А «Труженики» — последний из написанного автором до сего дня.

И они же, рассказы эти, — камертон ко всему творчеству Фатеева.

...Послевоенная деревня Нечерноземья... Когда приходили для России тощие годы, и она, чтобы подлатать рукава, отрезала рубаху с подола, та деревня и была вечным подолом, который режут и рвут. Слаще моркови не пробовала.

...Двенадцатилетний пацан, цыплячья шея, в чем и душа-то держится, — все пыльное лето встает до свету и вкалывает дотемна. Трясется на культиваторе за трактором в клубах дыма и жаркой пыли, и вечером отмыться — проблема проблем. Он заработал за все лето триста шестьдесят рублей (на базаре в городе буханка хлеба стоила сто тридцать), семья смогла помочь старшей дочери-студентке, а правление колхоза наградило мальчишку велосипедом. Все. Весь рассказ.

Только я интонационно ненамеренно переврал. У меня — сочувственная нотка пожилого человека. А у автора — победительная песня маленького советского человека, перед которым вся жизнь — счастливой скатертью-самобранкой впереди!

А в этом контрасте и суть рассказа: жили в тоскливую проголодь, изнашивали себя в работе до последней жилочки, но чувствовали себя, а значит, были — победителями!

И вот последний рассказ — «Все они были великие труженики».

Тетка писателя спокойно и по-деревенски, приемля жизненные неурядицы и урядицы, рассказывает о долгой судьбе фатеевского рода. Кто из прадедов и дедов погиб в Первую мировую (деревня ее называла германской войной), кто где работал, кто кого родил и как воспитал, какой большой родовой подошли к Отечественной войне, сколь малым оказался род после войны. Это — снова тема деревни, которую разрушают и перекраивают во имя спасения чего-то большего. Но этот же рассказ — скорбный памятник той уходящей деревне.

Памятник, который большая страна так и не поставила.

Рассказ написан скорбно и сурово, но немаловажное в нем — это очередной шаг, еще не последний, к чистой документалистике. Это — наследство журналистской крови: приоритет факта.

Фатеева даже в его романах «Город в законе» или «Золотая моль» волна прозы часто уносит к факту, к реальным людям из магаданского бытия, к реальным и

живым событиям, а писатель поддается этой волне. Зачем измышлять героя, ежели вот он, если он живой, со всеми своими смыслами, причудами и шероховатостями — живее, чем может стать произвол авторской фантазии. Так в его прозе часты поэты и художники и даже водители с трассы, которым вполне уютно и просторно под своими родными фамилиями! А уж о политиках, администраторах, писателях, журналистах — насельниках Колымы — и говорить нечего! Чуть ли не каждый из таких фатеевских героев взят взаймы у жизни, а через пару книжных страниц отпущен обратно на волю.

В минувшем году Фатеев даже выпустил отдельную книгу своей документалистики, и в предисловии к ней написал: «На мой взгляд, сегодня честная публицистика гораздо важнее литературных вымыслов и историй». Фраза скорее полемическая, но...

Но вернемся к упомянутым двум рассказам. Как ни парадоксально, именно они задают тон всей фатеевской прозы, и этот тон — предельная честность и совесть. Честность перед своей землей — той многострадальной среднерусской возвышенностью — и теми своими предками — дедами, прадедами, тетками и дядьками, свояками и сестрами, которые, не задумываясь, подставляли свои шеи и души, когда большой стране требовалось подлатать прорехи, чтобы возвышенности не стали болотинами. Вот что обронил автор в другом своем рассказе «Дядя Коля» о ситуации на деревне, которая сложилась после войны: «...у меня восемь теток и один дядька».

Если всмотреться в проблематику фатеевских текстов, то она сводится к простой дилемме: по совести или против нее.

Это касается и романов, и морских повестей, и городских миниатюр, и армейских рассказов, и доброй сотни очерков, вошедших в его книги.

В стихах, а к поэзии Фатеева мы еще вернемся, Фатеев постоянно бьется над темой, что это он и именно он своей земле недодал...

*...Не вспомнил ли кто-нибудь с болью
Меня в деревеньке моей.
А может, отцовское поле
Осталось без рук сыновей?
Нас всех разбросало по свету,
Все надо — и БАМ, и КамАЗ.
Но кто же, но кто же ответит
За землю, вскормившую нас?
Я мучаюсь мукою лютой,
Что дни мои зря сожжены...*

Еще тридцать лет назад невозможно было представить, что критик, желая похвалить или подбодрить автора, говорил о нравственности, честности, искренности и доброте его текстов. Упомянутые достоинства сами собой разумелись в советской литературе! А случись критику хвалить эти качества писателя, закрадывалось подозрение: а есть ли что у автора, кроме «нравственности» и «доброты»?

Сегодня же, когда главное течение литературы уже называется «мейнстримом» и несет в себе уже не реализм, не «правду жизни», а вымысел, то есть “fiction” — там и фэнтези, и альтернативная история, и всевозможные ужастики и боевики, и прочая, — сегодня литература, которая пишет, осмысляет и показывает Историю нашего дня, литература реализма довольствуется самыми малыми тиражами и минимальным вниманием критики.

Что ж, значит, будут наши внуки изучать время дедов по «Ночному дозору» и Гарри Поттеру.

И здесь особенно хочется заметить роль Валерия Фатеева в жизни Магаданской области как главного редактора альманаха «На Севере Дальнем» и журнала «Колымские просторы». Труды его и его соратников и журнал, и альманах по-прежнему защищают живую историю, а не альтернативную, и живую горькую литературу, а не веселые раскрашенные муляжи новых «измов». А колымское краеведение — уникальное явление во всей постсоветской литературе — и сегодня продолжает так же дотошно исследовать день за днем быль колымского края, и не только эковскую ее часть, но и все области регулярной жизни, от экономики и образования до спорта и топонимики! И все очередные волны декаданса так и не добираются до Магадана, застревают где-то на материке. Здесь свой мейнстрим!

И именно этому краю земли посвятил Валерий Фатеев последние сорок лет своей жизни, краю, где, говоря его стихами, «И радость бедней вполонину, и вдвое печальней печаль»!

Что привело его сюда, на Север Дальний?

В поисках своего предназначения судьба человека выписывает зачастую такие кривули!

И мог бы Фатеев, молодой журналист, начинающий поэт, вдоволь набродиться по своему Нечерноземью. Не заладилось в Липецкой — подался в Курскую область! Затормозились дела в журналистике — пожалуйста, любая сельская школа ждет тебя не дождется.

Но здесь обязательно надо вспомнить послевоенные весны страны, ах, какие это были весны, как жадно тянулся к свету и добру тот сильный послевоенный подрост, мальчишки и девчонки, страдавшие оттого, что опоздали отдать жизнь за Родину! Зря смеялись оттепельные поэты над фразой «В жизни всегда есть место подвигу» — зря. Эта сильная мысль двигала еще многие послевоенные поколения вплоть до бамовских!

Столкнувшись в своей молодой жизни с несправедливостью, журналист Фатеев вначале добился, чтобы «наши победили», а потом рванул осваивать самый дальний закут страны — Колыму. Если уходить — так на самый край!

Вообще биография Валерия Фатеева при всей ее непрямоте, причудливости вполне укладывается в типичную судьбу писателя из разночинцев.

Здесь и голодное детство, ранняя потеря матери, отец — инвалид войны, большая семья мал мала меньше, интернаты и побеги из них. В один из таких походов добрался на крыше вагона до столицы. Потом уже во взрослой журналистской жизни — срочная командировка, нет билетов — вспомнил беспризорное детство и махнул на крышу вагона. Больше всего были потрясены железнодорожные милиционеры, снявшие путешественника с крыши: как же так, журналист, взрослый человек! Фатеев ответил убедительно: — Мне надо было срочно, по работе...

А красные журналистские корочки действительно вели его не только в срочные командировки, но и в срочные чужие дела, где несправедливость было вознамерилась править бал. Ох, напoлучал же он за свое донкихотство! И в судах судился, и на больничной койке отлеживался после удара ножом, и выговоры по партийной линии получал... Позже в одном своем рассказе он скажет в сердцах: за доброе дело на Руси по морде бьют, — но так и продолжал вмешиваться в чужие дела, даже когда распрощался с редакционными корочками.

Но здесь и странное отношение к писательской стезе. Он до сей поры не верит, что это — его главная жизненная тропа! Терпеть не может комплиментов и сразу переводит разговор на другое. Никогда не участвует в конкурсах и, пожалуй, здорово недооценивает себя. И еще — всегда боится быть похожим на кого-то.

Но здесь и замечательная подробность: ни одного дня жизни Фатеев не «проработал писателем», на вольных хлебах, даже когда позволяли возраст и пенсия. Пожалуй, неплохо бы, чтобы кто-то из магаданцев собрал воедино все его общественные нагрузки, регалии, звания и награды...

Его прозу читать всегда и просторно, и вместе с тем уютно — тыходишь в мир взрослого, спокойного и сильного мужика, который знает, что такое штормы и штиль, невзгоды и взгоды, друзья и враги. Интонация всегда спокойная и дружелюбная, иногда чуть ироническая. Мне всегда по душе его описания советского периода — Фатеев умеет в двух-трех абзацах показать славность тех времен и их плодородность.

Мы дружим с ним больше тридцати лет, и я могу уверенно назвать главное качество Фатеева-писателя и Фатеева-мужика: он никогда не жалуется.

О тех же своих интернатах мог десяток страдальческих повестей и рассказов написать — не написал. Об армии вспоминает только с благодарностью. О гигантском шторме 1987 года, когда в Охотском море пересеклись два циклона, а семь больших судов, включая плавбазу, были выброшены на берег, когда волны-убийцы перехлестывали мачту, а весь экипаж сейнера почувствовал, что верит в Бога, он написал философские стихи и всего пару строк в прозе. О потере друзей и близких говорит скупое, вынужденно и без соплей.

— Постой-ка, — скажете вы, — а как же стихи? Стихи — и без слезы? Кому поем печаль мою? Стихи без четко обозначенной боли? Поэзия — и без жалоб и ночных слез? Без запредельной искренности? Это ж не поэзия!

А вот умудряется!

Когда-то я у него спросил:

— Если б довелось с высоты лет что-то посоветовать себе же, мальчишке, что бы ты сказал?

Он ответил серьезно:

— Не влюбляйся. Береги ближних. Не пей.

Что это была у него за влюбленность, которая опаснее оказалась, чем вино, он не признался. И в поэзии своей подробностей не раскрывал.

Любовная лирика у Фатеева всегда мозаична, даже не искорка любви, а — мимолетная симпатия, вспышка приязни, морозец по коже от походки женщины, чей-то взгляд издали, легкое касание, — или хватанет душу весенний ветерок — и вот они, оживающие надежды...

Но, в целом, в поэзии Фатеев закрыт. Его поэзия в основном мужская, идет в первую очередь не от задетого сердца, а от нахмурившегося мозга: вот здесь есть проблема, и я должен ее решать.

И, как и в прозе, Валерий в стихах очень целомудрен: богу богово, кесарю кесарево, влюбленным влюбленное, а зрители здесь ни к чему.

...А еще Валера до сей поры переписывается со своими интернатовскими учительницами...

